

Зяц Сергей Михайлович

ЛИКИ И ЛИЧИНЫ РУССКОЙ СМУТЫ В ПОЭТИЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА. "ПРОТОПОП АВВАКУМ"

В статье прослеживается поиск ликов и личин русской истории, воплощенных в поэтической мастерской русского мыслителя Серебряного века Максимилиана Волошина, которого можно назвать летописцем русской смуты и гражданской войны. Особое внимание уделяется поэме "Протопоп Аввакум", в которой ярко запечатлены лики русской истории. Лик, в понимании Волошина, может нести в себе как светлое начало, так и темное. В этой антиномии - лики русской истории.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/18.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 7 (49): в 2-х ч. Ч. I. С. 76-79. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1(081)

Филологические науки

В статье прослеживается поиск ликов и личин русской истории, воплощенных в поэтической мастерской русского мыслителя Серебряного века Максимилиана Волошина, которого можно назвать летописцем русской смуты и гражданской войны. Особое внимание уделяется поэме «Протопоп Аввакум», в которой ярко запечатлены лики русской истории. Лик, в понимании Волошина, может нести в себе как светлое начало, так и темное. В этой антиномии – лики русской истории.

Ключевые слова и фразы: лик; личина; протопоп Аввакум; русская смута; русская революция; высшая тайна.

Зяц Сергей Михайлович, к. филол. н.

Приднестровский государственный университет имени Т. Г. Шевченко

smz67@mail.ru

**ЛИКИ И ЛИЧИНЫ РУССКОЙ СМУТЫ В ПОЭТИЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ
МАКСИМИЛИАНА ВОЛОШИНА. «ПРОТОПОП АВВАКУМ»[©]**

Творчество Максимилиана Волошина все более и более входит в наше духовное поле и пространство. Русская литература Серебряного века немислима без этого «Прохожего и Странника, Путника во вселенной». Волошин вошел в русскую литературу в начале XX века, когда можно говорить о расцвете русской культуры, когда поэты и писатели становились властителями дум, своеобразными маяками в общественном сознании. Его литературный дар несомненен, на что указывали многие современники крымского мыслителя. Например, Иван Бунин писал: «Максимилиан Волошин был одним из наиболее видных поэтов предреволюционных и революционных лет России и сочетал в своих стихах многие весьма типичные черты большинства этих поэтов: их эстетизм, снобизм, символизм, их увлечение европейской поэзией конца прошлого и начала нынешнего века...» [2, с. 365].

Волошин один из первых в русской литературе наполняет такое понятие как лик сущностно-философским и богословским содержанием (достаточно вспомнить его знаменитые «Лики творчества»).

Задачей нашего исследования является выявление ликов и личин исторической Руси, их влияния на судьбы страны в миропонимании Максимилиана Волошина, нашедших свое отражение в поэтической мастерской поэта.

Истинный Волошин раскрылся в год, ставший для многих водоразделом добра и зла, ненависти и любви. Это был знаменитый 1917 год. Надо признать, что Волошин давно ждал русскую революцию, и для него она пришла ожидаемо (следует вспомнить пророчества поэта, написанные им еще в 1906 году в знаменитой статье «Пророки и мстители»). Современники же революцию встречали, как Христа, радовались ей, как ребенку (достаточно вспомнить мартовский восторг Алексея Толстого, признание Аркадия Аверченко, которому революция представлялась лучезарной грозой, очищающей воздух), но ее истинное лицо открылось только в Октябре, когда к власти пришли большевики, радикальное крыло русской революции. «Правда – страшная, но зато подлинная» [Там же, с. 315]. «Русская революция выявила свой настоящий лик, тайно назревавший с первого дня ее, но для всех неожиданный» [Там же].

В 1917 году Волошин, по его собственному признанию, не мог писать стихов, Октябрь открыл глаза. Заговорило слово поэта, то самое бессмертное, доходящее до богословских высот в своей правдивости и чистоте: «Ни от кого не спасаюсь, никуда не эмигрирую, и все волны гражданской войны и смены правительств проходят над моей головой – писал он в автобиографии (1925). – Стих остается для меня единственной возможностью выражения мысли о свершившемся, но в 1917 году я не смог написать ни одного стихотворения: дар речи мне возвращается только после Октября» [1, с. 18]. Дар речи вернулся потому, «что каждое стихотворение писалось как *последнее* и каждое могло быть предсмертным» [2, с. 89]. Эти годы поэт назовет «наиболее плодотворными в моей поэзии, как в смысле качества, так и количества написанного» [4, с. 71].

Именно в эти годы происходит не только духовное становление русского философа и мыслителя, но все более поэт оттачивает свою стихотворную форму, приближаясь к библейскому и фольклорному стиху, который видится ему наиболее приемлемым в восприятии событий [1, с. 125].

Для более осознанного понимания русской революции Волошин обращается к истокам русской смуты, которая потрясла Россию в начале XVII века, когда страну сотрясали различные самозванцы и проходимцы, фактически разрушавшие русский космос, с таким трудом созидаемый предыдущими поколениями. Поэт весь в летописях и сказаниях тех страшных времен и событий. Близость древнерусской литературы к народным преданиям возбуждала в художнике стремление обратиться именно к древнерусским текстам. Первым опытом в стихотворном переложении оригиналов древнерусской литературы была повесть Катывева-Ростовского, в которой Максимилиан Волошин добавил два портрета: Марины Мнишек, известной польской авантюристки, жены двух Лжедмитриев, и Филарета, будущего патриарха России, отца первого русского царя Михаила из Дома Романовых, – «создав своеобразную поэтическую стилизацию древнего источника» [2, с. 443].

В прошедшей Смуте поэт видел Смуту гражданской войны, видел отравленный бесовским легионом русский дух. Именно приход бесовских полчищ означает близость Страшного Суда (кстати, Волошин не одинок в своих апокалипсических воззрениях, достаточно вспомнить знаменитого русского революционера и писателя Бориса Савинкова, с которым поэт был лично знаком, насылавшего на революционную Россию вороных и бледных коней апокалипсиса).

Апокалипсис для поэта начинался с личности. Лик в нашем представлении ассоциируется с иконным, божественным образом, в то же время лик вполне мог приобретать и демоническую, темную окраску. Этим темным и демоническим ликом обладали Степан Разин и Емельян Пугачев, что нашло воплощение в стихотворении «Стенькин суд», когда мифическая нечистая сила обрушилась на Святую Русь, на светлый мифологически-библейский лик, представленный художником в стихотворении «Китеж», этим темным ликом обладал Лжедмитрий, которого поэт называл «Дметриус-Император». В письме к А. Петровой он писал: «Мне, может, удастся выявить после и лики русских демонов, не только бесов. Пока у меня единый русский демон – Дмитрий-Император» [Там же]. Для поэта самозванец ассоциировался с упоминаемым в Евангелии легионом бесов. Максимилиан Волошин вспоминает евангельский текст (Мрк. 5:9), который он держал в сознании, когда обращался к истории смутного времени, о чём писал сам в статье «Россия распятая» [2, с. 318-319]. И в другом месте, осмысливая русскую историю и евангельский текст, он скажет: «Великая русская равнина – исконная страна бесноватости. <...> Свойство бесов – дробление и множественность» [Там же, с. 327].

Множественность и дробление разрушает человеческую личность, превращая ее в «пустую глубину», по выражению Волошина. Это неизбежно приведет к разрушению форм, к кризису, преодолеть который можно только через лик. «Ликом познается безликое. <...> Лик – оправдание безликого. В лике высшая тайна» [1, с. 124].

Эта тайна проявляла себя в дни суда, который возглашали в середине XVII века те, кого принято называть представителями старообрядческой ветви православия (известно, что в результате бездумно проведенной реформы патриархом Никоном в 1654 году произошел трагический раскол в русском православном мире, когда канонические греческие тексты без всякого толкового объяснения переводились на русский язык, прежние же переводы объявлялись искаженными и греховными, что, конечно же, было частью общества воспринято крайне болезненно). Во главе этой ветви стоял огненный протопоп Аввакум, личность которого в связи с событиями гражданской войны особо интересовала Максимилиана Волошина, а также инок Елифаный, друг и соратник Аввакума. В какой-то степени Великий Раскол XVII века становился частью исторической действительности века XX-го, когда бушевала гражданская и братоубийственная война. И эта война была не плодом рациональных размышлений, это была реальность, вошедшая в каждый русский дом и в дом самого Волошина, который подвергался опасности ареста и расстрела со стороны как красных чекистов, так и белых контрразведчиков.

Поэма «Протопоп Аввакум» – одно из ключевых произведений сборника «Неопалимая Купина». Поэма является своеобразным переосмыслением библейской книги пророка Аввакума и «Жития протопопа Аввакума». Неслучайно произведение написано свободным стихом и от лица протопопа Аввакума, ибо свободный стих близок к библейскому и не предполагает спорного мнения, но патетичен, настраивает на торжественность восприятия. Структурно-семантическое ядро поэмы составляют два элемента: огонь и «Небесный Иерусалим». Уже в первой главе поэмы звучит переключка с молитвой пророка Аввакума, как зачин Сказания о жизни протопопа Аввакума: «Прежде нежели родиться – было / Во граде солнечном, / В небесном Иерусалиме: / Видел солнце, разверстое, как кладезь. / Силы небесные кругами обступили тесно – / Трижды тройным кольцом Сияющие Славы» [2, с. 140]. Фактически это же встречаем в Священном Писании у прор. Аввакума (см. гл. 3, с. 3-4).

Именно в лучах «Трижды... Сияющей Славы» видится Волошину путь постижения и сотворения человеком самого себя. Только в Троице поэт видит человека, сгорающего в огне ради воскресения, чтобы опалить других огнём. Художник фактически перефразирует книгу Бытия, возводя историю к самому началу человеческой цивилизации (см. Быт. 2, 7). «Отец рече сынови: / – сотворим человека / По образу и по подобию огня небесного... <...> Поди: вочелoveчься / И опалый огнём!» [Там же, с. 141]. Волошинский Аввакум, «как уголь раскалённый», который «пеплом собственным одевшись, / Был извержен / В хлябь внешнюю» [Там же].

В стиле церковнославянской поэтики Максимилиан Александрович показывает историю творения и грехопадения человека, потерю им благодатной свободы, данной ему изначально. Первородность греха превратила человека из земли блаженной в чёрный пепел для того, чтобы, пройдя путь испытаний и очищений, вознести сознательную молитву и сотворить во Христе нового человека: «Аз есмь огонь, одетый пеплом плоти, / И тело наше без души / есть кал и прах. <...> Нам <...> тлеющим во прахе, подобает / Страдати неослабно» [Там же, с. 142]. Т.е., таким образом, человек возвращался к первобытию, в котором лик его был светел и ясен.

Чтобы противостоять силе антихриста, необходимо укрепиться в вере. В этом отношении жизнь Аввакума видится Житием, но не каноническим житием, а как своеобразная духовная биография одного из ликов России (известно, что Волошин создал галерею таких ликов, начиная с упоминаемого Лжедмитрия, Петра Великого, метко названного «первым большевиком», Стеньки Разина и Емельки Пугачева). Более того, нам представляется, что вся поэма в целом выстраивается как полемика с каноническим житием, так как само житие Аввакума неканонично и, скорее всего, представляет собой неагиографическую литературу. Это противоречие во многом, по мысли поэта, определяет лик русского человека. Напомним, что житие – «это жизнеописание людей, причисленных церковью к лику святых. В построении и содержании житий было много условностей, общих мест: будущий святой (или святая) рождался от добродетельных и благочестивых родителей, с детства отличался любовью к Богу, много молился, преодолевал дьявольские искушения, удалялся от всего мирского, творил чудеса, нередко претерпевал мучения от врагов христианства и принимал мученическую смерть» [3, с. 247].

Конечно, жизнь протопопа Аввакума наполнена страданием, но, в отличие от Св. Сергия и Св. Серафима, в ней нет благостного смирения. С точки зрения канона это антиномия: «Отец мой прилежаще пития хмельного» [2, с. 141], т.е. уже не добродетельные родители, что рождает последующую амбивалентность жизненного пути, ибо «мати – постница, молитвенница бысть» [Там же].

Потому огненное стояние перед Богом протопопа Аввакума не представляет ли собой прелесть? К жизни или смерти ведёт? «Построен сруб – соломою наложен: / Корабль мой огненный – / На родину мне ехать. / Как стал ногой – / Почуял: вот отчало! / И ждать не стал: / Сам подпалил свечой» [Там же, с. 157]. Во имя того, чтобы, прикоснувшись к Неопалимой Купине, через Огонь, который символизирует Святой Дух, очиститься и воскреснуть вновь.

Так мифологема и архетип огня в поэме является одним из структурно-семантических центров, воплощает все три свои ипостаси: 1) очистительная сила; 2) сила жизни; 3) сила Божьего суда.

В этом смысле Волошин совершенно правомерно считал: «Воистину вся Русь – это Неопалимая Купина, горящая и не сгорающая сквозь все века своей мученической истории» [Там же, с. 326]. Прикоснувшись к Неопалимой Купине, сгорая в ней, достигнет ли Русь, как Протопоп Аввакум, Небесного Иерусалима. В Образ Небесного Иерусалима, явившийся вторым семантическим центром поэмы, поэт вкладывает содержание, соответствующее каноническому восприятию Града Божьего, и в котором исполняют волю Всевышнего три ангельских иерархии, находящихся «в недрах Славы» «Пресвятой Троицы». «Согласно библейской мифологии, ангелы делятся на три иерархии: Высшая – серафимы, херувимы, престолы; средняя – господства, силы, власти; низшая – начала, архангелы, ангелы» [Там же, с. 446].

С одной стороны, волошинский Аввакум стремится вписать себя в эту систему библейских ценностей, с другой – его борьба против власти есть не что иное, как греховный мятеж: «А Кирие – элейсон ты оставь. / Возьми-ка ты Никониан, латынников, жидов, / Да пережги их – псов паршивых» [Там же, с. 154]. В этой противоречивости чужеродного и своего кровного русского, аскетичности и мятежности, смиренности и гордыни, даже в страдании есть отличительная черта русского национального сознания и судьбы человека как такового. Поэт в проекте предисловия к поэме писал: «Религиозная ценность борьбы не в её причинах и лозунгах, а в том, как человек верит, борется и мечтает среди извечных антиполий своей судьбы» [Там же, с. 446]. Вера Аввакума – это борьба не только с новым миром патриарха Никона, насаждавшего его вместе с царем Алексеем Тишайшим, но и борьба с самим собою: «А я их словами Апостола: / – “Мы ведь – уроды Христа ради: / Вы – славны, мы – бесчестны, / Вы – сильные, мы же – немощны”» [Там же, с. 155]. Напрашивается аналогия с посланием Св. Павла (1-е Кор. 4: 10).

Действительно, истинная вера невозможна без онтологической амбивалентности: святого и грешного, небесного и земного. Поэтому мятеж протопопа Аввакума является, по мысли Волошина, своеобразным состоянием, ощущением зияющего противоречия между Градом Небесным и градом земным. Эту антиномию, в понимании поэта, можно преодолеть через очистительную силу страдания, Огня. Интересно отметить, что старообрядческая культура построена на самосожжении во имя воскресения, на что указывал прот. Г. Флоровский: «...Аввакум одобрил первых самосожигателей: “блажен извол сей о Господе”, и на его авторитет всегда ссылались» [5, с. 72]. Так стихия огня во всех её проявлениях является связующим звеном между землёй и Небесным Иерусалимом, что в полной мере соответствует библейскому архетипу огня, который в Св. Писании является символом Св. Духа и Источником жизни. Кроме всего прочего, он – «мессианский аспект небесного огня (как символа Христа)» [6, с. 275].

В целом, два аспекта поэмы, Небесный и земной, будут переосмысливаться в дальнейшем Волошиным по-своему, являя то лик, то личину, представляющую собой безобразную имитацию личности (достаточно вспомнить его красногвардейцев, анархистов и громил русской революции, показанных в стихотворении «На вокзале»), то смирение, то мятеж, то буйство, то неистовую молитву. В этом смысле образ протопопа Аввакума – своеобразная отправная точка постижения судьбы России, что соответствует историческому пониманию личности Аввакума. Так сам Аввакум становится своеобразной мифологемой в истории русской культуры, его имя стало частью нашей цивилизации, темно-светлым слепком в мозаике русского храма. Неслучайно поэма называется «Протопоп Аввакум» и выстраивается как исповедь Аввакума. Для Волошина этот приём важен, ибо он даёт более полное представление о Лике Аввакума как проявлении его огненного духа, его непростого мироощущения. Стоит обратить внимание, что, будучи написанной в 1918 году, поэма представляет собой четвёртый раздел книги «Неопалимая Купина».

Таким образом, выстраивается единый структурно-семантический ряд: «Благословенье», страдания, причастие и искушение в огне, воскресение в Неопалимой Купине. Поэтому совершенно естественно обращение поэта именно в революционную эпоху, в эпоху «бунташного века», эпоху Раскола, эпоху протопопа Аввакума. Напрашивается параллель между русским Расколом и Русской Революцией. Для многих религиозных мыслителей, в частности Г. Флоровского, Раскол виделся как апокалипсический надрыв [5, с. 73], как душевная болезнь, которую необходимо лечить. Сопоставление Раскола и Революции даёт возможность Волошину выявить на широком историческом фоне апокалипсический и антиномичный лик Руси и Человечества, который поэт мечтает, несмотря ни на что, обрести в Граде Божьем [2, с. 330]. О Граде Божьем мечтали не только Волошин и протопоп Аввакум, но и пророк Аввакум (Ав. 3:18-19).

Историко-библейские мотивы, представленные поэтом, отражают борьбу Христа и антихриста. Поле же битвы – Россия: «Выпросил у Бога светлую Россию сатана – / Да очервленит ю / Кровью мученической. / Добро ты, Дьявол, выдумал – / И нам то любо: / Ради Христа пострадати» [Там же, с. 156].

Можно сделать вывод, что в огненном страдании рождался новый человек, способный преобразить исторический темно-светлый лик Руси. Через русскую мифологическую историю, тесно связанную с современностью, поэт показывает русские лики и личины, выплавленные в огне Неопалимой Купины. Волошин убежден, что это дорога, которая не только рационально поможет понять русский путь, но и сердечно. Его осмысление стало носить не столько философский характер, сколько богословский, тем самым поднимая

уровень восприятия *темно-светлых ликов и личин Руси* на высочайшую планку. Эта высота помогала взглянуть на русскую действительность не столько с исторической точки зрения, сколько с метаисторической, когда осмысление уводит человеческое сознание в область онтологии, где человек может свободно общаться с Богом, познавая ликом безликое, совершая «вечное возвращение» (выражение Фридриха Ницше) к изначальной первосути, к Божественному Граду.

Список литературы

1. Волошин М. А. Записные книжки. М.: Вагриус, 2000. 176 с.
2. Волошин М. А. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников / вступ. ст. З. Д. Давыдова, В. П. Купченко. М.: Правда, 1991. 480 с.
3. Горшков А. И. Русская словесность. М.: Просвещение, 2005. 494 с.
4. «...Темой моей является Россия». Максимилиан Волошин и Евгений Ланн. Письма. Документы. Материалы / сост. Д. А. Беляев, Г. П. Мельник. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2007. 216 с.
5. Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс: Вильтис, 1991. 601 с.
6. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов: в 2-х т. / пер. с нем. СПб.: Академический проект, 2003. Т. 2. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика. 816 с.

**IMAGES AND GUISES OF THE RUSSIAN REVOLT
IN THE POETICAL WORKSHOP BY MAXIMILIAN VOLOSHIN. "ARCHPRIEST AVVAKUM"**

Zayats Sergei Mikhailovich, Ph. D. in Philology
Taras Shevchenko Transnistria State University
smz67@mail.ru

The article analyzes the search for the images and guises of the Russian history implemented in the poetical workshop of the Russian thinker of the Silver Age Maximilian Voloshin who may be considered a chronicler of the Russian revolt and civil war. The special attention is paid to the poem "Archpriest Avvakum" which brilliantly portrayed the images of Russian history. An image, in Voloshin's interpretation, can bear both light and dark element. This antinomy embodies the images of Russian history.

Key words and phrases: image; guise; archpriest Avvakum; Russian revolt; Russian revolution; supreme mystery.

УДК 81'27

Филологические науки

Представлена попытка объяснить сущность современного состояния якутского языка, указать проблемные зоны в его функционировании в зависимости от социолингвистических параметров и произвести оценку языка современными носителями языка в условиях активной языковой конкуренции русского и якутского языков. В исследовании качества устной и письменной якутской речи на республиканском телевидении и выявлении социолингвистического портрета современного редактора и ведущего использованы социолингвистические и психоллингвистические методы.

Ключевые слова и фразы: социолингвистическое анкетирование; проблемные зоны в реализации якутского языка; языковая компетенция; этноязыковая идентичность; языковая практика; языковые предпочтения; языковые установки.

Иванова Нина Иннокентьевна, к. филол. н.

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
haar-haar@mail.ru

**ЯКУТСКИЙ ЯЗЫК В СМИ:
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕГИОНАЛЬНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВЕЩАТЕЛЬНОЙ КОМПАНИИ «САХА»)®**

Язык СМИ специалисты относят к одной из основных форм языкового существования, и именно его анализ позволяет делать выводы относительно языковой компетенции говорящих и тех тенденций в развитии литературных языков, которые наблюдаются в данный период. И сегодня в современном двуязычном, многоязычном обществе национальные (региональные) СМИ, укрепляя сознание национальной идентичности как одну из функций средств массовой информации, должны не только создавать полную картину жизни общества, но и формировать высокую информационно-языковую культуру в обществе, совершенствовать принципы сохранения национальных языковых традиций и культуры речи.

В статье приводятся результаты проведенного нами мониторинга, в ходе которого были проанализированы 24 новостные, авторские и развлекательные передачи Национальной вещательной компании «Саха»